

УДК 821.112.2

ПРОБЛЕМА «ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОШЛОГО» В ПРОЗЕ ИОГАННЕСА БОБРОВСКОГО

© Гульнара Гильфанова

THE PROBLEM OF "OVERCOMING THE PAST" IN JOGANNES BOBROWSKI'S PROSE

Gulnara Gilfanova

The prose of this writer cannot be called historical as the authenticity of the time coloring is not his element. The roots of I. Bobrowski's historical fiction are found in the philosophic-esthetical experience of German educators – Klopshtock, Gerder and Gaman. His thoughts coincide with Gerder's ideas of creating a universal history of all nations and ages and universal human values of each national culture. In his prose, I. Bobrowski keeps up the traditions of the previous epoch in the 20th century. Sarmatia is a kind of poetical and geographical space for Johannes Bobrowski, where he argues with the reality.

Since the beginning of the 1960s, first in poetry, later in prose, I. Bobrowski has made a quest his theme, "telling" about his personal experiences in a series of stories and in the novels "Levin's Mill" and "Lithuanian Claviers". By connecting the past, present and future, through the link of times, the writer comes to the conclusion about the logic of the historical process and about the harmfulness of forgetting the lessons taught by the past to the present. The consciousness of his characters, who honor the memory of ancestors never forgetting their history, reflects the understanding of German history in the epic works of the writer. The fates of the writer's prosaic characters are connected with a part of "unsurmounted past" of German history (unlawful actions against the Roma people, the law of population transfer, the selection of the German race and an attempt to humiliate other people who feel like outsiders in the Kaiser's Reich). The result of this policy is "the principle of negative integration", present in Neymyul's (rural) routine and essential for the formation of the German "special path," which is doomed to failure.

Keywords: understanding German history, prose, Johannes Bobrowski, epic works, Gerder, fictional historicism, Sarmatia.

Прозу Иоганнеса Бобровского нельзя считать в полном смысле исторической, поскольку подлинность временного колорита – не его стихия. Корни художественного историзма И. Бобровского обнаруживаются в философско-эстетическом опыте немецких просветителей – Клопштока, Гердера и Гамана. Его мысли созвучны взглядам Гердера, пытавшегося создать универсальную историю всех веков и народов, говорившего об идее общечеловеческой ценности каждой национальной культуры. И. Бобровский в своей прозе продолжает в XX веке традиции предшествующей эпохи. Своеобразным поэтическим (географическим) пространством для Иоганнеса Бобровского, в рамках которого он вступал в спор с действительностью, была Сарматия.

С начала 1960-х годов в поэзии, а затем и в прозе И. Бобровский тематизирует проблему поиска, «рассказывает» о лично пережитом в серии новелл, а также в романах «Мельница Левина» («Levins Mühle: 34 Sätze über meinen Großvater») и «Литовские клавиры» («Litauische Claviere»). Через соединение прошлого, настоящего и будущего, через связь времен писатель приходит к заключению о закономерности исторического процесса, к мысли о пагубности забвения уроков, преподанных прошлым настоящему. Осмысление немецкой истории в эпических произведениях писателя находит отражение в сознании героев, которые чтут память предков и не забывают свою историю. С судьбами героев прозаических произведений писателя связана часть «непреодоленного прошлого» немецкой истории (неправомерные действия в отношении цыган, закон переселения народов, выделение немецкой расы и попытка унижения других народов, чувствующих себя аутсайдерами в кайзеровском рейхе). Результатом этой политики становится «принцип негативной интеграции», который присутствует в (деревенской) повседневности Неймюля и является существенным фактором для формирования обреченного на неудачу немецкого «особого пути».

Ключевые слова: осмысление немецкой истории, проза, Иоганнес Бобровский, эпические произведения, Гердер, художественный историзм, Сарматия.

Художественное осмысление немецкой истории XX века наполняет содержанием поэтическое и прозаическое творчество И. Бобровского. Используя архивные документы с описанием хроники, он «художественно интерпретирует действительно происшедшее» [Striedter, с. 5].

В работе «Немцы и европейский восток: „Преодоление прошлого“ – критика принципа историзма в прозе И. Бобровского» Петер Альберт пишет об исторической прозе¹ И. Бобровского, полагая, что писателю удалось в эпических произведениях воссоздать сложную историческую картину немецкой действительности конца XIX и первой трети XX века, что позволяет говорить о неопенимом вкладе художника в освещение проблемы «преодоления прошлого» в Германии [Albert, с. 165–166].

В нашем исследовании мы выявляем особенности художественного метода немецкого писателя Иоганнеса Бобровского на материале его прозы. Формулируя основную тему своего творчества – «вина моего народа перед народами Восточной Европы от возникновения ордена германских рыцарей и до событий недавнего прошлого», Бобровский сравнивал деяния рыцарей с современными преступлениями фашистов. Неспособность немцев извлечь уроки из своей истории побудила писателя «посредством пера» донести историческую правду до сознания молодого поколения. Тема «непреодоленного прошлого» становится лейтмотивом творчества писателя.

Поэтому, по мнению П. Альберта, анализирующего романную прозу писателя, ошибки немецкого прошлого повторяются, и в его литературных сочинениях с особой настойчивостью звучит тема «непреодоленного прошлого» [Там же, с. 166]. Идеино-художественная сложность его произведений обусловлена не только их тематической объемностью², но и своеобразием авторского мировоззрения, вобравшего в себя элементы различных гуманистических культурно-философских систем (Клопштока, Гердера, Гамана), включая выработанные человечеством еще в эпоху Средневековья.

Географическое пространство Сарматии поэтизируется автором, это родина, что «светом своим всех направляет в детство и где еще никто

не был», как пишет Э. Блох [Fokke]. Территория Восточной Европы между Вислой и Волгой была населена сарматами, жившими в русских степях Дона. Любимая Сарматия «оживала» в воображении писателя, это было единое культурное пространство: «место живого общения» немецкой, цыганской, славянской и еврейской культур. Он хочет «рассказать» о лично пережитом (годы детства на пограничной земле, служба в рядах германского вермахта на польской и литовской земле, на восточном фронте, близ озера Ильмень), пишет серии новелл «Белендорф и др. рассказы» («Boehlendorff und andere Erzählungen»), «Мышиный праздник и др. рассказы» («Mäusefest und andere Erzählungen»), «Пророк» («Der Mahner»), романы «Мельница Левина» («Levins Mühle: 34 Sätze über meinen Großvater», 1964) и «Литовские клавиры» («Litauische Claviere», 1966) – роман, опубликованный после смерти писателя.

Несколько рассказов, написанных в хронологической последовательности – «Пророк» («Mahner»), «Плясун Малиге» («Der Tanzer Malige»), «Мышиный праздник» («Mäusefest»), «Темно, мало света» («Dunkel und wenig Licht»), повествуют о событиях периода фашизма, тема мировой войны органически соединена с темой «непреодоленного прошлого» Западной Германии.

И. Бобровский избегает натурализма, в его прозе отсутствуют описания батальных сцен, но образ войны присутствует в самой атмосфере повествования. Уже в заглавиях рассказов, на первый взгляд достаточно простых по форме и содержанию, скрыт глубокий смысл, который открывается после внимательного прочтения этих коротких зарисовок. Так, название «Темно, мало света» становится лейтмотивом всего рассказа, что «поддерживается» многочисленными повторами, которые являются своеобразными вариациями на тему. «Везде тьма», – размышляет герой (он же рассказчик). Однако эта «тьма» вовсе не оттого, что «что-то случилось с газоснабжением или газопроводом, и уличные фонари не горят» [Бобровский, с. 141]. «Тьма» – это недавняя война, это нынешние «слеты землячества», это в конечном итоге «непреодоленное прошлое» страны. Вставные истории (один анекдот и шесть историй) в этом рассказе соединены между собой авторскими комментариями, которые составляют собственно повествование, возвращая нас к недавнему прошлому: «Здесь любят толковать о войне» [Там же, с. 146]. Между всеми этими историями, как бы случайно всплывающими в памяти рассказчика, существует определенная идейно-тематическая связь.

¹ Поэтика романов И. Бобровского очень сложна, своеобразна, оригинальна, богата как чисто традиционными художественными приемами, так и новаторски смелыми элементами, которые расширили границы жанра исторического романа в литературе ГДР.

² Свои стихи и новеллы, по причине недостатка времени, Бобровский писал ежедневно в городской электричке по дороге на работу в издательство «Союз».

Вдруг кто-то из героев невзначай расскажет о профессоре, у которого во время войны сгорело 25000 книг. Ничего не сказано об отношении гитлеровских солдат к народам оккупированных стран, но об этом красноречиво свидетельствует история, где немецкий солдат отнял у француза-беженца коллекцию марок. В двух-трех фразах писатель показывает поведение немецких солдат в оккупированной Франции:

Das Album hatte ich aus dem Frankreichfeldzug <...>. Wir stießen bei dem Vormarsch auf Zivilisten, Flüchtlinge, meist alte Leute <...> ich entdeckte unter ihnen einen Mann <...> ein dickes Album auf den Knien. Ich verstand nicht viel damals von Briefmarken, aber so viel sah ich doch, dass es doch um eine wertvolle Sammlung handelte. <...> Der Mann hätte das Album sowieso nicht gerettet [Bobrowski, Vierter Band, с. 122]. – Этот альбом я привез из Франции <...>. При наступлении мы натолкнулись на гражданских, беженцев, в основном старых людей <...> среди них я увидел мужчину <...> на коленях толстый альбом. Я тогда слабо разбирался в марках, но сразу понял, что это ценная коллекция. <...> Француз все равно не смог бы сохранить альбом (здесь и далее перевод мой – Г. Г.).

В нескольких других историях предстает современность. Эти случаи, как, впрочем, и относящиеся к периоду войны, незначительны лишь на первый взгляд, на деле же в них хорошо просматривается западногерманская действительность. Особенно характерна история о том, как жена одного из рассказчиков сломала ногу «на слете землячества». Об этом говорится как бы между прочим, но в воображении читателя возникает картина фашистского сборища в Западном Берлине. Так в рассказ настойчиво вводится тема «непреодоленного прошлого». Многие в рассказах остается недосказанным. И. Бобровскому вообще было свойственно о самом значительном, о том, что его больше всего беспокоило, говорить намеками, на уровне подтекста.

Убедителен, в связи с вышесказанным, рассказ «Мышиный праздник» («Mäusefest»). Писатель повествует о немецком вторжении в Польшу.

Уже начало рассказа производит впечатление нереального: читатель оказывается в пустой лавке, где единственным предметом мебели является стул. Главный герой по имени Мойзе Трумпетер предлагает гостю присесть, а на пороге, у двери, при свете Луны, суетятся мыши, пытаясь разделить между собой корочку хлеба. Кажущаяся простота рассказа явно мнимая, за «скупостью» поверхностного, на первый взгляд, действия произведения скрыто глубокое содержание. Впечатление абсурда, которое передает эта сце-

ническая композиция, усиливается появлением гостей Мойзе, которые как будто занимают все пространство: солнце и луна.

Луна, пришедшая в гости, «теряет» свою ирреальность и становится собеседником Мойзе. Мойзе и Луна, «старик и старуха», наблюдают за танцующими мышами и «радуются», перед читателями воссоздана своеобразная идиллия. Описание первых дней войны в Варшаве сопровождается «игрой света и тени». Изменение, которое происходит почти незаметно, является основополагающим: на сцену выходит немецкий солдат – игра, сказка внезапно заканчивается. Соединение реального и ирреального сосредоточено на небольшом пространстве. Автор визуализирует свет в образе Луны в противоположность молодому солдату, который воплощает «тьму».

Невольные зрители «мышинного театра», Мойзе и немецкий солдат, играют определенные роли как исторические субъекты на сцене «мирового театра», роли, которые навязывают им политические обстоятельства Европы накануне Второй мировой войны. Доброжелательная мудрость старика, его достоинство и молодое неосознанное равнодушие врага в лице немецкого солдата «сталкиваются» друг с другом, представляют собой добро и зло. К описанию образа представителя так называемой новой власти И. Бобровский подходит тонко. Писатель наделяет немца чертами типичного сына среднего немецкого буржуа:

Молодой человек, «посредственный» попутчик, не обязательно склонный к агрессии, становится неосознанно и эмоционально безучастной частью функционирующей машины уничтожения [Dehn, с. 68].

Объективно этот немец виновен, ибо пришел на чужую землю как захватчик. Авантюрной является для него случайная встреча с евреем, являющимся частью народа, о неполноценности которого, в силу своей идеологической «глухости», он не сомневается.

По мнению Луны, «теперь для нас все они одинаковы» [Бобровский, с. 123], одинаковы, потому что воплощают образ врага. Немногословно, но убедительно показывает Бобровский, что и этот солдат прошел «школу воспитания» фашистской пропагандой, «посулами» приключений и «романтики»:

Настало время повидать мир... Сегодня мы в Польше, а потом, может быть, прогуляемся в Англию... [Там же].

В рассказе нет ни слова ни о концлагерях, ни о еврейских гетто, ни о руинах Варшавы, но все

это выстраивается в ассоциативный ряд, когда в конце рассказа один из невидимых персонажей задает вопрос: «Если они заберут всю Польшу, что будет тогда с твоим народом?» [Там же]. Вновь писатель как бы невзначай напоминает о «соответственности», «совиновности» перед народами Восточной Европы.

Мойзе имеет моральное превосходство над немцем. Но в этой встрече двух «врагов» не имеют значение ни возраст, ни сильные или слабые черты человеческого характера, а реальный баланс политических сил, который позволяет немцу держать долгосрочное превосходство. Эту трагическую безысходность осознает Мойзе, об этом говорит его воображаемая собеседница, луна. Представление, танец мышей, становится демонстрацией праздника жизни перед лицом неминуемой смерти и разрушения. Невесомость танца, его меланхоличное звучание является при этом символом свободы и особого достоинства. Мойзе настаивает, что в реалиях военной повседневности все же есть и радость, и жизнь, которые выражаются в танце мышей. В этом произведении И. Бобровский³ затрагивает тему холокоста, имеет в виду чудовищную политику национал-социализма в Германии по уничтожению народов и пишет о начале общечеловеческой трагедии, свидетелем которой он был и сам.

Короткие истории писателя связаны очень тесно с его романами единой темой вины и ответственности немцев перед народами Востока. «Донести» вину до сознания людей на самых осязаемых и конкретных примерах – этой задаче служат оба романа, два художественных пролога к последующей истории злодеяний фашистов.

В «Мельнице Левина» («Levins Mühle: 34 Sätze über meinen Großvater») дается своеобразная партитура – «пунктир», где отдельные пункты (*Sätze*) образованы узлами творческой памяти, напрягающейся для постижения реальности. Ряд «пунктов» – частные случаи из деревенского жителя-бытия, знакомящие читателя с историей возникновения фашизма, по определению П. Альберта, «префашизма» (*Präfaschismus*), в восточноевропейском пространстве [Albert, c. 165].

В «Литовских клавирах» («Litauische Claviere») парафразой литературы становится воображаемая тригонометрическая вышка, позволяющая видеть далеко окрест и соединять загадочную «связь времен». Здесь совмещены разные временные плоскости: на современность на-

плавает картины прошлого, Пошка и Тута – в «магическом кристалле» изображения – незаметно превращаются в другую пару: национального литовского поэта Донелайтиса⁴ и его жену Анну Регину. Местом действия в романе «Литовские клавиры» является регион с особой историей, где «в 1936 году еще сохранились Союз Витаутас и Союз таутинок, не существующие уже на территории рейха» [Бобровский, с. 358]. Автономная Мемельская область⁵ (деревня Вилькишкяй) – пограничная земля в независимой Литве, Сарматское пространство – особенно интересно для И. Бобровского как литературного историка. Население Мемельской области довоенного времени⁶ составляли немцы (43,5%), литовцы (27,6%) и «мемельландцы» (25,2%), русские (0,2%), евреи (0,4%), что дает право говорить о существовании мультикультурного пространства на востоке Европы. Немцы и литовцы представляли основные народности в Мемельской области. По сравнению с западнопрусской Кульмской землей 1874 года (роман «Мельница Левина») «мультикультурность» населения была выражена меньше, и центром внимания автора стали конфликтные взаимоотношения немцев и литовцев. Эти исторические рамочные условия были отражены в «Литовских клавирах». Местные нацисты в романе, среди которых есть и немцы, и литовцы, разжигают жестокую национальную рознь: адвокат Нейман, начальник школы Канкелат, Моцкус из окружной кассы, Скамбракс, депутат Ландстага, парикмахер Бергер, жандарм Вазген. Написание оперы возвышает скромных героев Бобровского (Фойгта, Гавена и Пошку) над злыми и тупыми обывателями глухой про-

⁴ Профессор гимназии Фойгт, концертмейстер местного театра Гавен и учитель Пошка, собиратель литовского фольклора, совместными усилиями создают оперу, посвященную литовскому народному поэту XVIII в. Кристиану Донелайтису.

⁵ После Первой мировой войны эта область находилась под объединенным управлением с 1920–1923 гг. до тех пор, пока не была занята Литвой. С 1924 по 1939 г. во время того периода, когда разворачиваются события вокруг написания оперы о Донелайтисе, Мемель сохранял свою автономность под Литвой. После его присоединения и включения в состав немецкого рейха 22 марта 1939 года принадлежал этот регион вновь Германии вплоть до 1944 года, пока не стал частью Советского Союза. В 1936 г. Тильзит был пограничным городом нацистского рейха по отношению к автономной Мемельской области в независимой Литве.

⁶ По мнению Ойго Лемберга, «непроснувшееся мультикультурное пространство», состоящее из «представителей смешанных народностей с неправильно сформированным сознанием» [Albert, c.174].

³ Большое внимание И. Бобровский уделял наследию европейской культуры и считал себя последователем Исаака Бабеля, Роберта Вальзера и восточнопрусско-литовского писателя Германа Зудерманна.

винции, где до предела обнажены социальные и национальные конфликты.

Творчество Пошки, глубинные движения его богатого духовного мира, тонко прочувствованное духовное единение с человеком из XVIII века (К. Донелайтисом), порой и прямое его воплощение – связующее звено между прошлым и современностью, между литовским и немецким народами. Двухслойный образ Пошки (вымышленного и реального) позволяет проследить в «Литовских клавирах» эту связь между вымышленным и реальным – в этом специфика художественного историзма Бобровского. Оба романа, на наш взгляд, связаны хронологически, и описываемые писателем события «Мельницы Левина» получили свое развитие во втором романе Бобровского в установленной временной оси. Он знакомит читателя с «пороговой ситуацией» в пограничном регионе (Мемельская область 1936 года), не находящемся еще под влиянием фашизма, но могущественные национал-социалистические соседи которого все же используют его в своих корыстных целях в обозримом будущем.

Ущемление прав народов Восточной Европы (поляков, литовцев, евреев, русских), выделение немецкой расы уже имело место быть в кайзеровском рейхе, и жизнь героев романов является частью «непреодоленного прошлого» немецкой истории. Об обострении дискуссий по польскому вопросу в Германии И. Бобровский недвусмысленно говорит в «Мельнице Левина» от имени президента Бар-уклея и бургомистра Титтлака о желанном для них «законе переселения народов» (*Ansiedlungsgesetz*) [Albert, с. 162]. Цель этого закона – «конец, нет полякам в немецких деревнях, просто конец с этой неразберихой» («*Schluß, keine Polacken mehr in deutschen Dörfern, einfach Schluß mit diesen durcheinander Zuständen*») [Bobrowski, Dritter Band, с. 199].

Обсуждение этого вопроса в романе⁷ предвещает исход политики Бисмарка (второй ее фазы, польской) по определению восточных границ немецкого государства, начавшейся в 1885 году, цель которой состояла в том, чтобы численность поляков в восточных провинциях сократить, а число немцев – увеличить, в результате чего в период 1885–1887 гг. было засвидетельствовано в общем около 30 000 русских и австрийцев по отношению к двум третям поляков и одной трети евреев [Albert, с. 162].

Агрессивная интолерантность обоих чиновников выражается в их намерении предпринять

прежний порядок ведения дел, Титтлак замечает по этому поводу:

Dann werden sich diese Liberalen aber wundern: Künstler und Zigeuner und Professoren, wird spaßig. – Но тогда удивятся эти либералы, потом их очередь: художники и цыгане и профессора, будет забавно [Bobrowski, Dritter Band, с. 199].

Рассказчик размышляет об историческом событии, произошедшем в Неймюле и имеющем свое продолжение в Германии в 1930-е годы, лаконично комментируя: «Музыка будущего» («*Zukunftsmusik*») [Там же].

Писатель использует гротеск, высмеивая литературных персонажей, «зажиточных немцев» Бар-уклея и Титтлака, и говорит о зарождении германского национал-социализма (1930-е годы), результатом политики которого является враждебный по отношению к полякам «закон переселения народов». Его авторами выступают «исключительные знатоки живописи» («*hervorragende Kenner*»), имена которых, разумеется, выдают их польское происхождение:

Damit befaßt sind: von Dragulski-Borchert, von Wojciechowski-Mehne, von Kuhlke-Kulesza. – Так законом заняты и другие: господа Драгульски-Борхерт, Войцеховски-Мене, Кульке-Кулесца [Там же].

Используя свой краткий, но четкий стиль повествования в романе «Мельница Левина», И. Бобровский художественно осмысливает эпоху второго рейха. Автор считает, что постоянство немецкого менталитета и вытекающая из него политическая история начиная с XIX века и до времен третьего рейха свидетельствует о том, что националистическая идеология достигла кульминации [Albert, с. 162–163]. Так, поясняет рассказчик, на Кульмской земле уже в 1874 г. цыган Хабеданк стал аутсайдером, а позже цыгане преследовались по расовым причинам и были убиты:

Угнаны и убиты в те годы, о которых мы вспоминаем, на тех территориях, о которых здесь идет речь [Бобровский, с. 60].

Это упоминание обращает внимание на то, что судьба цыгана Хабеданка – это часть прошлого немецкой истории. В международных процессах против нацистских преступников «геноцид в отношении европейских цыган не рассматривался как предмет виктимологии, учения о жертвах преступлений», говорит Йоахим С. Хоманн [Albert, с. 163].

⁷ События в романе «Мельница Левина» писатель относит к 1874 году.

Второе обращение к истории XX века, как мы считаем, – в пятом «явлении духов», в котором перед дедушкой, главным героем романа, предстает следующая картина:

Серая куча, всадники и телеги. Все это надвигается прямо на него. У ворот – женщины и дети. На фоне двора. Улица, которую никто не знает [Бобровский, с. 207].

Из цитируемого фрагмента с «явлением духов» становится ясно, что И. Бобровский воспринимает однозначно мотив изгнания (*Vertreibung*) и рассказывает об этом в нереальном пространстве, в котором оказался дедушка Бобровский (однофамилец писателя) [Albert, с. 164]. Это видение, полагаем мы, может быть истолковано как духовная антиципация более позднего изгнания населения из восточных областей Европы: официальная политика властей третьего рейха – «угон иностранных рабочих (мирного населения – Г. Г.) в Германию в годы второй мировой войны» [Угон иностранных рабочих в Германию в годы Второй мировой войны].

И. Бобровский находит подобный мотив «изгнания» (бесконечный поезд) в балладе А. Мигель «Вагон за вагоном». Поэтесса описывает «побег» (*Flucht*) местного населения из немецких восточных областей, занятых нацистами, зимой 1944–1945 гг. Там это звучит так:

Мы видим во сне разветвленные пути, вагон за вагоном, бесконечный поезд, увозящий народ со своей родины [Albert, с. 163].

Бобровский довольно-таки скромно оценивает «Мельницу Левина», не считает, однако, что его произведение – «веселая народная пьеска» («*heiteres Volksstückchen*»). Э. Хауфе говорит, что на первом плане в романах писателя «сцена кукол» (*Puppenbühne*), а история с мельницей на Кульмской земле отходит на второй план и не имеет исторического значения. И наконец, Фритц Й. Раддац считает, что «если бы в „Мельнице Левина“ речь шла об антисемитизме, то взятая писателем за основу его первого романа историческая картина была бы отражена неадекватно» [Там же, с. 164]. Образ Левина не связан в Неймюльском судебном споре с дедушкой со стереотипом жадного до денег еврея, и спор с мельницей не означает расовое превосходство немца над евреем. Следующие два эпизода романа можно было бы понять как категорическое указание автора на то, что история на Кульмской земле 1874 года ни в коем случае не приравнивается к ситуации, которая могла бы произойти во

времена гитлеровского режима: судебное разбирательство откладывается по причине заявления еврея-истца и правдивых показаний штрасбургского капеллана Рогаллы, кстати немца, в пользу цыгана Хабеданка. Мнимого преступника освобождают из тюрьмы, так как доказательств к его осуждению недостаточно. Тем не менее описание Неймюльского конфликта – якобы «уплывшая» по весне мельница и поджог «Пильховой хибары» – свидетельствует о том, что истинные виновники этих преступлений активно вмешиваются в ход следствия и пытаются изменить его, и не в пользу потерпевшей стороны. О том, что дедушка Иоганнес мог быть участником этих криминальных действий, доказывает его реакция на статью Отто Глагауса в местной газете «Беседка»: она противоречит его радикальным взглядам по отношению к другим народам – евреям, полякам, литовцам, цыганам. Патовая ситуация в конце романа «Мельница Левина», когда ни Левин, ни старик Бобровский не выигрывают судебный спор, отражает герминогенный характер случайного совпадения исторических фактов в Неймюле. Выделяя в своем романе «антиисторическую» конструкцию – преимущество нацистами кайзеровской политики второго рейха, И. Бобровский подтверждает тезис Х. А. Винклер, согласно которому «‘выкристаллизованные’ с начала основания Рейха менталитеты должны были пережить XIX век» [Там же].

И. Бобровский, «поместивший свой роман в „инкубационное время антисемитизма“», по мнению Фридриха Хээр, «в период 1870–1914 гг., формулирует, таким образом, теорию ‘префашизма’ (возникновения фашизма)» [Там же]. Он (писатель) предупреждает об опасности, угрожающей его родному краю, о которой недвусмысленно говорит Джон Милфулл: «‘сгустились тучи’ (*unfaßbares Gewitter*) над Сарматским миром» [Albert, с. 165]. Автор «Мельницы Левина» раскрывает истоки зарождения фашизма в немецком обществе, показывает, как из повседневных конфликтов возникает чуждая идеология, связанная как с рациональностью – защитой материальных интересов, так и с иррациональностью, по Т. В. Адорно, не подтверждающей «концепцию функциональности» (*Funktionalitätskonzept*). Тем самым И. Бобровский частично опирается на структурно-функциональную теорию исторических и социальных наук, в которой фашизм описывается как «особая форма господства в обществах, находящихся в критической фазе их трансформации в процессе индустриализации» [Там же].

Предлагая новую модель мира в новеллах на исторические темы и романах «Мельница Левина», «Литовские клавиры», И. Бобровский опровергает то историческое понимание, описывающее национал-социализм как изолированное явление немецкой истории и разработку повседневно исторической «банальности злых»: выявляет существенную слабость тех метафизических теорий, которые хотят видеть в фашизме что-то «другое» и необъяснимое. В частности, роман «Мельница Левина» «противопоставляется» тезису немецкой исторической науки, автором которого является Х. Ротфеллер: «Второй Рейх противоположен всему, что было бы характерно для Третьего Рейха» [Там же].

Художественно переосмыслив события недавнего прошлого немецкого народа, исторический живописец Иоганнес Бобровский указывает на единственно верный, по его мнению, путь: выработать в себе раз и навсегда историческое сознание. Национальное прошлое живет в народном современном сознании героев его прозаических произведений, которые просто не могут отвлечься от жизни предков, они ее продолжают, ею живут. «Преодоление прошлого», считает Бобровский, происходит в процессе глубокого осознания идеи Гердера об уникальности культуры каждого, в том числе и немецкого народа. Это помогло ему выразить в своей прозе очень важную мысль: остерегаться проявления расизма в отношении к другому народу, избегать того, что считается «избранностью», превосходством германской расы, что имело место в истории Германии и в современной Бобровскому немецкой действительности 1930-х годов.

Список литературы

Бобровский И. Избранное. М.: Молодая гвардия, 1971. 447 с.

Угон иностранных рабочих в Германию в годы Второй мировой войны // Istoriirossii.ru: Истории России. 2012–2015. URL: <http://istoriirossii.ru/zarubezhye/229-ugon-inostrannyh-rabochix-v-germaniyu-v-gody-vtoroj-mirovoj-vojny.html> (дата обращения: 22.02.2016).

Albert P. Die Deutschen und der europäische Osten: «Vergangenheitsbewältigung» als Historismuskritik im

Erzählwerk Johannes Bobrowskis, Erlangen-Nürnberg: Palm & Enke Verlag, 1990. 334 S.

Bobrowski J. Gesammelte Werke. Hrsg. v. Eberhard Haufe. Dritter Band. Die Romane. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1987. 333 S.

Bobrowski J. Gesammelte Werke. Hrsg. v. Eberhard Haufe. Vierter Band. Die Erzählungen, vermischte Prosa und Selbstzeugnisse. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1987. 524 S.

Dehn M. Dehn W. Johannes Bobrowski, Prosa: Interpretationen. München: Oldenbourg Verlag, 1972. 91 S.

Fokke Joel. Eigentlich ein Vertriebener. Schriftsteller Johannes Bobrowski. URL: <http://www.zeit.de/kultur/literatur/2010-01/johannes-bobrowski> (дата обращения: 22.02.2016).

Striedter J. Dichtung und Geschichte bei Puškin. Konstanz: Universitätsverlag GmbH, 1977. 56 S.

References

Albert, P. (1990). *Die Deutschen und der europäische Osten* [The Germans and European East]: "Vergangenheitsbewältigung" als Historismuskritik im Erzählwerk Johannes Bobrowski, 334 p. Erlangen-Nürnberg: Palm & Enke Verlag. (In German)

Bobrowski, J. (1987). *Gesammelte Werke* [Collection of Works]. Hrsg. v. Eberhard Haufe. Dritter Band. Die Romane. 333 p. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt. (In German)

Bobrowski, J. (1987). *Gesammelte Werke* [Collection of Works]. Hrsg. v. Eberhard Haufe. Vierter Band. Die Erzählungen, vermischte Prosa und Selbstzeugnisse. 524 p. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt. (In German)

Bobrowski, I. (1971). *Izbrannoe* [Selected Works]. 447 p. Moscow: Molodaia gvardia. (In Russian)

Dehn, M., Dehn, W. (1972). *Johannes Bobrowski, Prosa: Interpretationen* [Johannes Bobrowski, Prose: Interpretations]. 91 p. München: Oldenbourg Verlag. (In German)

Fokke, Joel. *Eigentlich ein Vertriebener. Schriftsteller Johannes Bobrowski* [Actually, an Expellee. Writer Johannes Bobrowski]. URL: <http://www.zeit.de/kultur/literatur/2010-01/johannes-bobrowski> (accessed: 22.02.2016). (In German)

Striedter, J. (1977). *Dichtung und Geschichte bei Puškin* [Poetry and History]. 56 p. Konstanz: Universitätsverlag GmbH. (In German)

Ugon inostrannyh rabochih v Germaniju v godi vtoroi mirovoi voiny [Forced Foreign Labour in Germany during World War II]. Istoriirossii.ru: Istorii Rossii. 2012–2015. URL: <http://istoriirossii.ru/zarubezhye/229-ugon-inostrannyh-rabochix-v-germaniyu-v-gody-vtoroj-mirovoj-vojny.html> (accessed: 22.02.2016). (In Russian)

The article was submitted on 07.11.2016
Поступила в редакцию 07.11.2016

Гильфанова Гульнара Тавкильевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Набережночелнинский институт
Казанского федерального университета,
423810, Россия, Набережные Челны,
пр. Мира, 68/19.
gulnara_tav@mail.ru

Gilfanova Gulnara Tavkilievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Naberezhnye Chelny Institute
of Kazan Federal University,
68/19 Mira Prospect,
Naberezhnye Chelny, 423810, Russian Federation.
gulnara_tav@mail.ru